

Как парень из Карибского региона сотворил вселенную, которая покорила весь мир? Всем, кто любит творчество Габриэля Гарсиа Маркеса, понравится и эта великолепная биография.

Бенисио
Дель Торо

Сильвана
Патерностро

Жизнь *Габриэля Гарсиа* *Маркеса,*

рассказанная
его друзьями,
родственниками, почитателями,
спорщиками, остряками, пьяницами
и некоторыми приличными людьми

18+

МИФ Культура

Сильвана Патерностро

**Жизнь Габриэля Гарсиа
Маркеса, рассказанная его
друзьями, родственниками,
почитателями, спорщиками,
остряками, пьяницами и
некоторыми приличными людьми**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2014

УДК 821.111(73).0
ББК 3.3(37Кол)

Патерностро С.

Жизнь Габриэля Гарсиа Маркеса, рассказанная его
друзьями, родственниками, почитателями, спорщиками,
остряками, пьяницами и некоторыми приличными людьми
/ С. Патерностро — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»,
2014 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-169407-6

Эта книга – биография Габриэля Гарсиа Маркеса, написанная в жанре устной истории. Автор дает слово людям, которые близко знали писателя в разные периоды его жизни. Из их рассказов – от сентиментальных до раздраженных, от восхищенных до непочтительных – складывается живой и объемный образ. В первой части книги о Маркесе рассказывают его родственники и приятели тех времен, когда он еще не был иконой латиноамериканской литературы. Во второй части перед читателем предстает титулованный и прославленный писатель. На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.111(73).0
ББК 3.3(37Кол)

ISBN 978-5-00-169407-6

© Патерностро С., 2014
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2014

Содержание

Пролог	6
Сто лет одиночества	11
1967-й: год, когда случилось землетрясение	11
До его эры: «Сто лет одиночества» еще не написаны	13
Глава 1. Сын Луисы Сантьяга и Габриэля Элихио	13
Глава 2. В доме у бабушки с дедушкой	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Сильвана Патерностро
Жизнь Габриэля Гарсиа Маркеса,
рассказанная его друзьями,
родственниками, почитателями,
спорщиками, остряками, пьяницами
и некоторыми приличными людьми**

Издано с разрешения автора, Seven Stories Press, Inc. Andrew Nurnberg Associates International Ltd. c/o Andrew Nurnberg Literary Agency

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав

© Silvana Paternostro, 2014

Originally published by Seven Stories Press, Inc., New York, U.S.A.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2021

*Памяти моих наставников Габриэля Гарсиа Маркеса и Джорджа
Плимптона*

*Меня утешает тем не менее, что иногда устная история может
быть лучше, чем письменная, и, не зная этого, мы изобретаем новый
жанр, которого уже недостает литературе: выдумка выдумки¹.
Габриэль Гарсиа Маркес. Жить, чтобы рассказывать о жизни*

¹ Цит. по: Маркес Г. Г. Жить, чтобы рассказывать о жизни / пер. с исп. С. Маркова, Е. Марковой, В. Федотовой, А. Малоземовой. М.: АСТ, 2014

Пролог

В ноябре 2000 года журнал *Talk*, незадолго до того основанный Тиной Браун², предложил мне подготовить устную историю³ о Габриэле Гарсиа Маркесе. Они хотели материал на две тысячи слов – примерно на три-четыре страницы вместе с фотографиями. То есть нечто очень короткое. А это, определенно, не его биография.

Поручить данную работу именно мне в журнале решили потому, что я, хотя и проживаю в Нью-Йорке с 1986 года, родилась в Барранкилье, и значит, волей судьбы происхожу из мест, соседствующих с вымышленным миром Макондо. К тому же в зимнем выпуске журнала *Paris Review* за 1996 год я опубликовала подробный документальный репортаж «Три дня с Габо» о курсах журналистики, которые Гарсиа Маркес открыл в Картахене⁴ и на которых я училась.

Я предложила редакции не брать интервью у глав государств, кинозвезд и богатеев, в кругу которых он каждодневно вращался, а отправить меня в Колумбию, где я могла бы потолковать с людьми, знававшими Гарсиа Маркеса во времена, когда он еще не был легендарным писателем Латинской Америки. Я даже пообещала поговорить с персонажами «Ста лет одиночества», имея в виду нескольких человек, которых Гарсиа Маркес вывел в романе и обесмертил как «непревзойденных зубоскалов из Ла Куэвы»⁵ и «первых и последних в его жизни друзей»⁶. После этого редакция немедленно прислала мне авиабилет, и меня немало позабавил украшавший его глянцевую обложку Микки-Маус – журнал *Talk* финансировала компания Disney.

– А после Колумбии мне надо съездить в Мексику, – рискнула я заявить редактору. – Ведь там он и написал роман.

– Все что пожелаешь.

Материал так и не увидел свет. *Talk* закрылся – подвела концепция: надежды скрестить шоу-бизнес с журналистикой и литературой не увенчались сколько-нибудь заметным успехом. «Какой еще журнал помещает на обложке обнаженный торс Хью Гранта и при этом отводит шесть полос под серьезный раздел о книгах? – в сердцах вопрошала меня редактор, поручившая мне тот материал. – Только Тина могла додуматься до подобного – заказать устную историю о жизни Габриэля Гарсиа Маркеса».

Однако благодаря этому дерзкому замыслу у меня набрались двадцать четыре магнитолфонные пленки по девятидесяти минут каждая, где самые разные люди рассуждают о Маркесе. Из этих долгих разговоров я выкроила и напечатала несколько очерков. В 2002 году вышла книга его мемуаров на испанском языке «Жить, чтобы рассказывать о жизни», и журнал *El Malpensante* поместил более колумбийский по духу и более обширный вариант материала, подготовленного мной для *Talk*. Еще одну версию статьи я опубликовала в юбилейном номере *Paris Review* по случаю его пятидесятилетия, а позже, весной 2003 года, этот текст на испанском напечатал мексиканский журнал *Nexos*. Прошло почти десять лет до момента, как в марте 2010 года я решила вернуться к тем давним пленкам с намерением сделать из них книгу.

² Тина Браун – журналист, редактор (в разное время возглавляла издания *Vanity Fair*, *New Yorker*, является руководителем *Daily Beast* и *Newsweek*). *Прим. ред.*

³ Устная история – научный исторический жанр, а также метод исторического исследования, под которым подразумеваются записанные на цифровые носители воспоминания людей о своей или чьей-то жизни, о событиях прошлого, свидетелями которых они были. *Прим. ред.*

⁴ Здесь и далее речь идет о городе Картахена, расположенном в Колумбии, на берегу Карибского моря (другое название – Картахена-де-Индияс). Его не следует путать с испанской Картахеной. *Прим. ред.*

⁵ Г. Г. Маркес, рассказ «Похороны Великой Мамы» (*Los Funerales De La Mama Grande*, 1961 год). *Прим. пер.*

⁶ Г. Г. Маркес «Сто лет одиночества» (*Cien años de soledad*, 1967 год). *Прим. пер.*

Но, прослушав их, я поняла: на книгу материала не набирается. Требовалось заполнить очевидные пробелы. И потому я приступила ко второму раунду интервьюирования тех, кто, как мне представлялось, сумеет дополнить фон и уточнить хронологию событий, намеченных первыми рассказчиками.

Эта книга разделена на две части. В первой – «До его эры: „Сто лет одиночества“ еще не написаны» – о Маркесе рассказывают его братья и сестры, а также приятели тех времен, в которые он еще не был всеми почитаемой иконой Латинской Америки. Тогда он еще не обзавелся ни приличным английским портным, ни английским биографом – я сама слышала, как он называет это двумя верными признаками писательского успеха, – и не пожимал руки президентам и мультимиллионерам (как это было в тот вечер, когда я увидела его торжественно перерезающим небесно-голубую атласную ленточку на открытии музея искусств «Соумайя», подаренного родному Мехико миллиардером Карлосом Слимом; именно та сцена напомнила мне о пленках, записанных мной во время работы над материалом для журнала Talk). В этой части собраны голоса из малопримечательного, но полного надежд периода, когда мальчишка из глухой провинции решил стать писателем. И голоса свидетелей рассказывают, как он добился этого. Нам открывается картина становления творческого гения, перед которым преклоняется весь мир.

Во второй части – я назвала ее «В его эру: „Сто лет одиночества“ уже написаны» – перед нами предстает удостоенный наград прославленный писатель и знаменитость Гарсиа Маркес.

О нем написаны целые горы книг, очерков и исследований, но над каждым из этих текстов неизбежно тяготеет и авторская манера повествования, и цензура, которой подверглись его мемуары, и пристальный анализирующий взгляд биографа. Тогда как устная история – так официально называется жанр этой книги – позволяет высказаться людям, близко знавшим героя, дает им возможность своими словами описать, каким он был человеком и как сумел стать самым значительным писателем Латинской Америки, отчего так пленялся могуществом власти и всю жизнь столь безоглядно заступался за Фиделя Кастро. Благодаря этому чудесному жанру мы узнаем о том, как они привечали его, как помогали ему, как на их глазах он делал сам себя; ощутим, как искренне они любили его или как сильно он их раздражал; все это мы услышим из первых уст, минуя посредничество других рассказчиков и чужих впечатлений.

Посему эта книга послужит нам пропуском на пир, где все гомонят, болтают, орут, где каждый высказывает свое мнение, а порой и откровенно лжет. В этом – квинтэссенция устной истории, такой же, как книга «Эди: американская девчонка», созданная Джин Стайн и Джорджем Плимптоном (о музе Энди Уорхола актрисе Эди Седжвик), и биография Трумена Капоте (тоже плимптоновская), названная «Трумен Капоте: книга, в которой различные друзья, враги, знакомые и клеветники рассказывают о его бурной карьере». Этот формат, ниспосланный мне небесами в виде телефонного повеления Тины Браун, несказанно прекрасен, ибо при всей своей занимательности и легкости глубоко правдив.

Однако призываю вас иметь в виду, что каждое слово, каждый слог в приведенных здесь диалогах отражает личное мнение говорящего. Читать все это столь же забавно, как, явившись на праздник и развесив уши, прислушиваться к разговорам гостей, обсуждающих Гарсиа Маркеса, – тем более что на всяком праздничном сборище находятся словоохотливые персонажи. Среди них – и горлопаны, и искушенные аналитики, и зубоскалы, и нытики, и пошляки, и даже те, кто слишком много принял на грудь. На этом празднестве мы разделим компанию с теми, кто помогал Гарсиа Маркесу оставаться в уединении, столь необходимом ему для работы над романом «Сто лет одиночества».

Обратите внимание: с самим Гарсиа Маркесом при подготовке книги я не общалась. Собственно, этого требует жанр: устная история пишется со слов других людей. Предполагается, что ты беседуешь с ними о герое в его отсутствие и – это еще важнее – записываешь беседы на пленку. Приступая к работе над книгой, я разложила пленки в хронологическом

порядке и начала слушать эти беседы-интервью более чем десятилетней давности. В наушниках слышался мой собственный смех, но одновременно у меня возникали новые вопросы. Так, я хихикала над разглагольствованиями жителей моей родной Барранкильи, но вместе с тем понимала: за пределами Колумбии никто не поймет, что означает привычное нам, барранкильянцам, выражение «пичкать петушьей титькой». Я осознавала, что должна не только растолковать читателю наше барранкильянское аргю, но и как-то донести до него, что со мной говорят люди преклонных лет. Память местами подводит их, и они, не в силах припомнить что-то существенное, мямлят и запинаятся. А поскольку я не собиралась освежать их воспоминаний, то сохранила эту слабость в их голосах.

Музыка, а в особенности вальенато⁷ – нечто наподобие кантри-блюза, исполняемого под аккордеон, – занимала важное место во время того первого круга моих бесед с героями этой книги. Мои собеседники не раз и не два принимались петь, поддавшись порыву, и потому на страницах я тоже позволяю им вволю попеть. Я привожу здесь и чисто мачистскую логику в словах судьи, с которым в свое время советовался Гарсиа Маркес, желая из первых уст узнать, что и как происходило в то роковое воскресенье, когда еще совсем молодой судья стал свидетелем трагедии, известной сегодня миру по повести 1981 года «Хроника объявленной смерти». Пришлось также добавить множество пояснений о Барранкилье, ибо это не только благодатная почва, на которой произрастает так называемый магический реализм, но и место, где Гарсиа Маркес повстречал первых и последних в его жизни друзей – ученого каталонца, Альфонсо, Альваро, Хермана и других «спорщиков», появляющихся в последней главе «Ста лет одиночества». Когда я приехала в Барранкилью со своим магнитофоном, многие из этих людей уже ушли в мир иной, однако мне посчастливилось отыскать двоих еще живых, и они рассказали мне, какими были верные друзья Гарсиа Маркеса, когда взяли его под свое крыло. Эта книга – моя ода дружбе, дань признания его друзьям, ведь именно в Барранкилье он пережил лучшие свои времена.

В поисках других рассказов о дружбе я задумала связаться с Марией Луисой Элио и Хоми Гарсиа Аскотом. Это им Гарсиа Маркес посвятил «Сто лет одиночества». И представьте себе: ни один из записных габоведов и габолюбов Колумбии, назубок знавших все дела и проделки выведенных в романе «спорщиков», не смог мне поведать ничего внятного об этих двоих, хотя они явно играли немаловажную роль в жизни автора. За исключением того факта, что проживали они в Мехико.

Я прилетела в Мехико по еще одному билету от Disney, зарегистрировалась в отеле «Каса Дуранго» и приступила к поискам. Карлос Монсивайс⁸ сообщил мне, что Мария Луиса и Хоми – муж и жена, испанцы; Хоми уже нет в живых, и я получила телефонный номер вдовы, сеньоры Марии. На следующий день меня принимала в библиотеке своего дома, расположенного в южной части Мехико, очень привлекательная элегантная дама в идеально подходившем к цвету ее глаз серо-голубом брючном костюме и таком же шарфе. Она делилась воспоминаниями с тем же щедрым великодушием, с каким часами выслушивала Габриэля Гарсиа Маркеса – на тот момент просто друга ее друга, случайного соседа за столом на банкете. В исчерпывающих подробностях новый знакомый излагал ей сюжетную канву задуманной книги. Впоследствии сюжет воплотился в романе «Сто лет одиночества», и первое издание он посвятил ей, Марии Луисе. Я уверена: она многократно повторяла эту историю на других званных обедах,

⁷ Вальенато (vallenato) – жанр народной музыки северной Колумбии. Исполняемые под непрерывный аккордеон, близкие по стилю балладам трубадуров, вальенатос рассказывают о тяжелой доле, о дружбе и любовных историях людей из Валле-де-Упар (долины Упар), расположенной на северо-востоке Колумбии. Гарсиа Маркес, неизменный любитель и пропагандист этого жанра, недаром сказал, что «Сто лет одиночества» – это вальенато в 360 страниц. (*Здесь и далее, если не указано иное, пояснение в сноске принадлежит автору.*)

⁸ Карлос Монсивайс Асевес (1938–2010) – мексиканский писатель-эссеист, сценарист, литературный и художественный критик, один из виднейших латиноамериканских интеллектуалов эпохи. *Прим. пер.*

однако, когда я в тот день включила свой магнитофон, Мария Луиса Элио заметила, что ее воспоминания о том эпизоде впервые обставлены как настоящее интервью и записываются на пленку.

В книге звучат также голоса людей, которые не слишком близко знали Гарсиа Маркеса или вообще не были с ним знакомы. Однако их комментарии относительно важных событий в истории Колумбии, оказавшихся знаковыми и в жизни писателя (например, убийство видного политика Хорхе Эльесера Гайтана⁹ 9 апреля 1948 года, положившее начало кровавому десятилетию гражданской войны, известной как Ла Виоленсия), совершенно необходимы, поскольку открывают путь к пониманию личной истории Гарсиа Маркеса и его книг. Нерео Лопес, официальный фотограф колумбийской делегации, приезжавшей в Стокгольм на вручение Гарсиа Маркесу Нобелевской премии, рискнул в 1997 году, в восемьдесят лет, переехать в Нью-Йорк, чтобы «открыть для себя новые горизонты»; я не преминула извлечь пользу из этого его восхитительно отважного шага и уговорила поделиться со мной воспоминаниями о тех днях, когда Гарсиа Маркес был для него не более чем коллегой, а Колумбия истекала кровью в гражданской войне. Его яркие воспоминания оживили повествование.

На страницах книги Гарсиа Маркес предстает свободным от самоцензуры, каковая присутствует в его мемуарах «Жить, чтобы рассказывать о жизни», над ним не тяготеют семь с лишним сотен страниц его биографий, превосходно написанных Дассо Сальдиваром и Джеральдом Мартином. Это богатый и исключительный исторический документ, хранящий коллективную память о его жизни, размышления о том, каких трудов это стоит – быть писателем, и о том, какими тропами он, подобно Рильке, приходит к необходимости заключить пакт с одиночеством. Перед вами книга, которая наглядно показывает, насколько дружба и обстоятельства, а превыше всего – внутренняя дисциплина и самоотверженность важны для достижения триумфа.

Его близкий друг, аргентинский писатель Томас Элой Мартинес, признался мне, что стать другом Габо можно было, только беспрекословно соблюдая *омерту* – обет взаимного укрывательства, эдакий «кодекс чести», какой существовал у мафии. «Нельзя было никогда и ничего писать о нем», – сказал он как-то, когда мы сидели в его патио в Нью-Джерси. Сам Гарсиа Маркес рассказывал эпизод, как однажды в Париже, будучи еще молодым и очень нуждающимся, он увидел в парке Эрнеста Хемингуэя. Вместо того чтобы подойти и заговорить с ним, он решил выкрикнуть его имя с другой стороны маленькой площади и в знак великого уважения поднять руку. Мне понятна овладевшая им робость, потому что при всем соблазне очень тяжело решиться и вот так запросто заговорить со знаменитостью.

Эту книгу я писала с тем же чувством робости, стараясь соблюдать почтительную дистанцию. Я создавала портрет человека, ставшего легендой. Убеждена: все мы представляем собой нечто большее, нечто более значимое, более вечное и даже более священное, чем мифы, вымыслы. Гарсиа Маркес остается великим, даже если мы не верим в утешительные сказочки о том, что он был чужд ошибок, недостатков, поражений, безрассудств, любовных страстей и вражды.

Если вы желаете получить истинное наслаждение от этой книги, то отложите на время убеждение в том, будто бы все в жизни имеет одно-единственное правдивое толкование. Следуя закону жанра, устная история сталкивает правду одного человека с правдой другого и даже противопоставляет их. В этом, в частности, и заключено ее очарование. С такой мыслью в голове и стаканчиком виски со льдом в руке или бокалом шампанского (каковому, как мне говорили, сам Габо отдавал предпочтение) ступайте на этот праздник. Если жаждете всей пол-

⁹ Хорхе Эльесер Гайтан (1903–1948) – колумбийский политический и государственный деятель, приверженец левых идей, пользовался широкой поддержкой среди беднейшего населения. В 1947 году в ходе конфликта с Колумбийской консервативной партией выдвигался на пост президента, но был застрелен. Остается в народной памяти как либеральный мученик. *Прим. пер.*

ноты впечатлений, подойдите к книжному шкафу и достаньте свой экземпляр «Ста лет одиночества», а за неимением такового – прогуляйтесь до ближайшего книжного магазина и купите. Прочтите его снова или в первый раз – теперь, когда узнали обо всех любопытных фактах и несообразностях, тайных пружинах и страстях в подоплеке этого романа, названного «пожалуй, самым филигранным и самым знаменитым произведением – классикой мировой литературы на все времена». Две его последние главы доставят вам особенное наслаждение, ведь вы увидите и поймете, как лукаво автор подмигивает своим друзьям. Надеюсь, вы будете громко смеяться, читая, например, такой пассаж: «Между тем Альваро взрывами своего хохота пугал кайманов, Альфонсо сочинял кровавую историю про то, как выпив на прошлой неделе выклевали глаза четверым клиентам, которые нехорошо себя вели, а Габриэль пребывал в комнате задумчивой мулатки, которая взимала плату за любовь не деньгами, а письмами для своего жениха-контрабандиста, отбывавшего срок в тюрьме по ту сторону Ориноко, потому что пограничники напоили его слабительным и посадили на горшок, и потом в горшке оказалось полно бриллиантов»¹⁰. И поймете, почему он всегда возражал тем, кто говорил о его безграничном воображении, и неизменно произносил одну простую фразу – о том, что все в его выдумках основывается на фактах.

¹⁰ Пер. с исп. В. С. Столбова, Н. Я. Бутыриной.

Сто лет одиночества

1967-й: год, когда случилось землетрясение

ГРЕГОРИ РАБАССА. Это случилось так же, как случаются землетрясения. Мы не умеем предсказывать землетрясений, однако знаем, что они обязательно произойдут.

ЭММАНУЭЛЬ КАРБАЛЬО. Поразительный случай в истории испаноязычной литературы. Тут явно вмешалась генетика. Какие-то особые гены делают человека великим писателем, к тому же он много и упорно трудился. Он отдавался литературе не безвозмездно, конечно, но работал очень и очень тяжело. И очень, очень организованно. Он создал все условия для того, чтобы писать, ушел со всех работ, назанимал денег, распродал вещи и на восемь месяцев заточил себя в стенах своего дома. Вся его семья, его жена, его сыновья, его друзья – мы все расступились, видя, с какой одержимостью он посвятил себя одному-единственному занятию. Они жили очень скромно, в тесной квартирке, не позволяли себе никаких излишеств и тратились только на необходимое.

Все понимали, что ему требуются покой, время и усердная забота. Благодаря этому – и главным образом его семье и друзьям – он и смог написать роман. Так получилось, что я первым читал этот текст, еще в процессе создания – с момента, как он начал его писать, и вплоть до завершения. А поскольку я каждую неделю прочитывал главу за главой и высказывал свои соображения, то ко времени окончания следующей главы мне уже нечего было править или переставлять местами, потому что все мои пожелания уже были учтены в романе.

МАРИЯ ЛУИСА ЭЛИО. Он давал мне читать отдельные куски. Так у нас повелось: что Габо накануне вечером писал, то он на следующий день нам частями зачитывал... И с самого первого момента было понятно, что это чудо. Он и сам это знал.

ГИЛЬЕРМО АНГУЛО. Да ничего такого он не знал. На самом деле он сильно сомневался, что роман ему удастся. Когда же его опубликовали, он прислал мне экземпляр. Я прочитал. Мне ужасно понравилось. Он прислал мне еще один экземпляр. Своего-то у меня уже не было – его пришлось отдать Херману Варгасу, чтобы Херман Варгас передал его Плинию. И кстати, должен тебе кое-что сказать, причем, уверен, что никто не говорил тебе об этом и говорить не собирается: так вот, Плинию напустился на него, потому что роман получился антикоммунистическим. «Как же так? У страны бед и забот полон рот, а ты пишешь всякие небылицы?»

МАРИЯ ЛУИСА ЭЛИО. Меня так запросто не проведешь, и я могу быть очень категорична в оценках, если речь заходит о литературе. Каким бы ни был писатель, пусть даже самым знаменитым, но если его книга мне не нравится, значит, не нравится. Так вот, читая роман, я осознавала, что сеньор Гарсиа Маркес действительно велик. В этом я ни секунды не сомневалась...

Я считала, что книга в самом деле очень хороша. Но откровенно скажу: не до такой степени, чтобы ах, совсем нет.

САНТЯГО МУТИС. Ситуация вырвалась из-под их контроля – и за границей, и в Колумбии тоже. Потому что Габо стал событием, феноменом. Объектом всеобщего преклонения. Не знаю, сам Габо рассказывал эту байку или Томас Элой Мартинес, но дело было

так: спустя неделю после публикации «Ста лет одиночества» Габо отправился в Буэнос-Айрес, причем не в связи с романом, а как член жюри художественно-литературного конкурса. Вечером пошли они в театр, и, когда Габо входил в зал, кто-то узнал его, и публика в зале – все как один – вскочила с мест и устроила ему овацию. С того все и началось. Да так и не прекращается! Конца-краю не видно. Вообще. И его уже никогда не оставляли в одиночестве.

РОДРИГО МОЙЯ. 29 ноября 1966 года Габриэль Гарсиа Маркес и его жена Мерседес явились ко мне домой в Кондеса-билдинг фотографироваться, чтобы потом один из фотопортретов поместить в первом издании. Я снимал у себя дома – там было прекрасное естественное освещение. Он пришел в клетчатом пиджаке. Он вообще очень любил шотландку. Держался спокойно, невозмутимо, хотя определенно придавал фотосъемке значение. Он уже тогда осознавал, что сотворил шедевр. К тому моменту он много чего написал, добился немалого успеха, и в его текстах чувствовалось дыхание уверенности, присущей только гениям. У меня сложилось именно такое впечатление. Конечно, размах еще не ощущался. Габо было-то всего тридцать девять лет. Но его большое будущее уже тогда предугадывалось.

До его эры: «Сто лет одиночества» еще не написаны

Глава 1. Сын Луисы Сантьяга и Габриэля Элихио

Рассказ о том, как сын телеграфиста из Аракатаки еще с колыбели начинает собирать истории

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Габо родился не в 1928 году, а в 1927-м. Он специально называет двадцать восьмой, чтобы дата его рождения совпала с годом, когда произошла бойня на банановых плантациях¹¹. Коли уж на то пошло, так в 1928 году появился его брат.

ЛУИС ЭНРИКЕ ГАРСИА МАРКЕС. Вплоть до 1955 года я и сам искренне верил в то, что пришел в этот мир 8 сентября 1928 года после девятимесячной беременности моей матери. Но так случилось, что как раз в 1955 году Габито написал «Рассказ не утонувшего в открытом море» для газеты «Эль Эспектадор», и у него возникли неприятности с правительством генерала Рохаса Пинильи. Ему даже пришлось покинуть страну, для чего потребовался удостоверяющий документ, а в этом документе, уж не знаю почему, указывалось, что Габито рожден 6 марта 1928 года – то есть в один год со мной; из-за этого я попал в дурацкое положение: получалось, что либо я появился на свет недоношенным, шестимесячным младенцем, хотя по записям мой вес при рождении составлял десять фунтов и две унции¹², либо мы вроде как близнецы. Он так никогда и не исправил дату своего рождения, однако это именно я родился в Аракатаке, в департаменте Магдалена, в 1928 году. А Габито – 6 марта 1927 года.

РАМОН ИЛЬЯН БАККА. Матушка Габо, Луиса, происходила из достойной семьи. Они были из тех, кого можно причислить к уважаемым людям. А кого по тем временам считали уважаемыми? Тех, кто пользовался почетом у провинциального высшего класса – мы говорим о высшем обществе Санта-Марты. В Бооте же о нем так отзываются: «Это вы по меркам вашей тьерра кальенте¹³ приличные люди». Луиса посещала школу Введения во храм Пресвятой Девы Марии в Санта-Марте – а это была средняя школа для высшего класса. Но они были просто уважаемыми людьми. Проще говоря, их на одни званые вечера приглашали, а на другие – нет. Все зависело от того, по какому случаю устраивался прием. А вот сеньора Гарсиа, его отца, думается мне, к уважаемым людям и не причисляли.

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Отец Гарсиа Маркеса – Габриэль Элихио Гарсиа. Моя мать приходится ему двоюродной сестрой. И она немножко рассказывала мне о семейных делах. Сам я большой поклонник Гарсиа Маркеса. Все его книги прочитал. Конечно, я родился в Синсе – родном городе отца этого господина. Нужно говорить «Синсе», предпоследняя буква пишется

¹¹ 5–6 декабря 1928 года в городке Сьенага близ Санта-Марты (а также поблизости от Аракатаки, где родился Гарсиа Маркес) правительственные войска расстреляли бастующих рабочих с банановых плантаций компании «Юнайтед фрут», протестовавших против рабских условий труда. Событие, вошедшее в историю как Банановая бойня, разрослось в сознании Гарсиа Маркеса до огромных размеров и приобрело такую значимость, что он даже намеренно изменил год своего рождения, чтобы он совпал с годом этой трагедии. Ее он описывает и в романе «Сто лет одиночества», указывая, что военные расстреляли три тысячи рабочих. Дальше случился перевертыш в духе «магического реализма»: именно это число жертв закрепилось в анналах колумбийской истории.

¹² Около 4,6 кг. *Прим. пер.*

¹³ Тьерра кальенте (исп. tierra caliente – жаркая земля) – регион, расположенный в нижнем высотном лесном поясе с жарким влажным климатом. *Прим. пер.*

как «с», и ударение падает на «е». Вообще-то город называется Сан-Луис-де-Синсе. Но в обиходе – просто Синсе.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Луиса Сантьяга, мать Габито, была белой леди, маленького росточка, с бородавкой вот здесь. Белая. Одного возраста с моей матерью. Моя мама в 1904 году родилась, и Луиса тогда же. Ей, почитай, уже девяносто шесть лет. Все позабыла, ничего не помнит.

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Карлос Пареха тоже был из Синсе и приходился отцу Габито родней. Надо сказать, у Карлоса имелись большие связи. Он помог отцу Габо пристроиться изучать медицину, да только у того вскоре кончились деньги, положение его стало хуже некуда, и ему (то есть отцу Габо) так и сказали: «Хватит тебе балбесничать, давай уже, возьмись за ум. Работу себе найди». Вот он и нашел место телеграфиста в Аракатаке. Переехал туда и тут же влюбился в Луису Сантьяга Маркес, дочку полковника Маркеса. Безмятежная она была такая, спокойная, эта Луиса Сантьяга Маркес, матушка его. И с моей матерью очень крепко дружила.

ХАЙМЕ ГАРСИА МАРКЕС. Как рассказывают, Габриэль Элихио Гарсиа, мой отец, приехал в Аракатаку служить на телеграфе, увидел однажды Луису, мою маму, и она ему сразу приглянулась. В один из дней он подошел к ней и сказал: «Хорошенько изучив всех женщин, встреченных в Аракатаке, я заключаю, что ты – именно та, которая подходит мне больше всего, – да, он так и выразился: „подходит мне“. – Хочу на тебе жениться, обдумай мое предложение; а если решишь отказаться, просто скажи, и дело с концом, потому что я не так чтобы до смерти в тебя влюбился». Думаю, на самом деле он помирал от страха, боялся, что она его отвергнет, вот и старался этой глупой бравадой защитить свое достоинство. Мне это понятно, ведь мы все из одного теста: очень влюбчивы и нежны с нашими женщинами.

РАМОН ИЛЬЯН БАККА. Полковник, отец Луисы (да и не только он), не желал видеть рядом с ней Габриэля Элихио. По положению в обществе тот стоял ниже ее, а подобные вещи – вроде положения в обществе – сильно заботили тогда людей в маленьких городишках, где все всех знали и тесно общались.

ЛУИС ЭНРИКЕ ГАРСИА МАРКЕС. Жизнь их с самого начала была кочевой. Поженились они в Санта-Марте, на медовый месяц отправились в Риоачу, где обосновались на какое-то время; вернулись в Аракатаку перед рождением Габито, а потом, когда мне было месяца четыре от роду, всем семейством перебрались в Барранкилью; эти переезды туда-сюда произошли всего-то за два с половиной года, с июня 1926-го, с момента женитьбы, до января 1929-го, в котором мы поселились в Барранкилье. Габито же, как вы знаете, оставался в Аракатаке с нашими бабушкой и дедом.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Его вырастили бабушка с дедом по материнской линии. Они звали его не Габриэлитом, а Габито, и вслед за ними все стали называть его так же. И я звал его Габито. Не Габо.

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Помимо прочего, полковник Маркес был либералом и участвовал в Тысячедневной войне¹⁴. А этот ухарь из Синсе [Габриэль Элихио] – гот¹⁵. «Хватит мне

¹⁴ Тысячедневной войной назван гражданский вооруженный конфликт, длившийся тысячу дней, с 1899 по 1902 год. В Колумбии существовали две ведущие политические партии: Консервативная, близкая по духу феодальным взглядам латифундистов и духовенства, и Либеральная, выражавшая интересы крепнувшего класса крупных торговцев, выступавших за реформы и отделение религии от государства. Конфликт начался, когда либералы обвинили правящую Консервативную пар-

голову морочить, не желаю иметь ничего общего с этим сукиным сыном готом. Отправим нашу девочку в другой город». И тогда Габриэль Элихио – зря, что ли, он телеграфистом подвизался? – стал посылать ей весточки по телеграфным проводам, а потом уже они поженились, не могли больше прятаться.

ПАТРИСИЯ КАСТАНЬО. В 1926-м, когда наш сеньор Гарсиа прибыл в Аракатаку, чтобы работать оператором на телеграфе, они [семейство Луисы Сантьяга] не приняли его и решили отправить ее в это путешествие в надежде, что сей господин забудет ее; они же планировали представить ее остальному семейству, которое оставалось в Барранкасе, где она могла бы завести новые знакомства. Выехав из Аракатаки, они направились к Вальедупару, чтобы обогнуть Сьерру¹⁶. Проехали через Вальедупар, потом через Патильяль и так двигались дальше, пока не попали в Барранкас. Транкилина [бабушка Габо] тогда впервые возвращалась в те места. Очень далекое путешествие. Кажется, что от Аракатаки до Барранкаса рукой подать, а на поверку – ехать и ехать, недаром они два или даже три месяца добирались. Дорог-то тогда не было, мы же говорим о 1926-м или 1927 годе. Они приехали на мулах по кавалерийским тропам, окаймлявшим Сьерру, и остались в Барранкасе. А те двое связь между собой поддерживали через телеграфистов, это Габриэль Элихио устроил. Я, например, слышала, что она прятала его телеграммы в кухонной плите под топкой. Кому пришло бы в голову искать письма в таком месте? В те времена в плитах под топкой помещалось нечто вроде металлического поддона – вот туда она письма и складывала. Его весточки передавались от одной телеграфной станции к другой. В те времена телеграф назывался Маркони. И она знала, что в телеграфной конторе ее ждало послание от него на желтой телеграфной ленте.

Мы ездили в Барранкас с Джеральдом Мартином, английским биографом, и несколькими братьями Гарсиа Маркеса. Они водили нас по местам, где река образует заводи и куда они выбирались на пикники; и, кстати, в письмах Луисы тоже имеются упоминания о прогулке на реку. Наше путешествие было восхитительным. А самое поразительное – эти плиты с топками до сих пор существуют. Сохранились еще в некоторых домах, задвинутые в дальние углы. И находятся те, кто готовит на таких плитах или просто держит их в доме.

АИДА ГАРСИА МАРКЕС. Появление Габито объединило семью. Он родился как раз тогда, когда отец вернулся из Риоачи в Аракатаку, и благодаря этому Габриэлю Элихио оказали теплый прием; все уладилось, тем более что мои бабушка с дедом стали крестными на крестинах, и они подружились. Дедушка Николас начал называть отца «мой дружище Габриэль Элихио». А потом так получилось, что внук остался жить у них. Позже родился Луис Энрике, и родители перебрались в Барранкилью, где появилась Марго, которая вечно хворала, потому что ела землю (как Ребека в романе «Сто лет одиночества»). Бабуля съездила в Барранкилью навестить их и решила, что Марго недокормленная; она сказала моей маме, чтобы та позволила ей забрать Марго к ним, мол, она будет давать ей железо и выхаживать ее, так что Марго тоже поселилась у бабушки с дедушкой. Папа в Барранкилье держал аптеку, и дела у него шли

тию в подтасовках на выборах. Вплоть до самого недавнего времени в Колумбии существовала настолько глубокая пропасть между либералами и консерваторами, что даже браки между приверженцами враждующих лагерей считались делом совершенно невыносимым. Все знали, к какому лагерю принадлежит та или иная семья. Гарсиа Маркес вырос в либеральной семье. Его дед Николас Маркес участвовал в Тысячедневной войне. Сам Гарсиа Маркес говорил, что его персонажи-либералы, в том числе Аурелиано Буэндия, сын основателя Макондо, списаны им с его обожаемого деда. Герой повести «Полковнику никто не пишет» – тоже ветеран Тысячедневной войны, отставник, тщетно ожидающий, когда в столице ему назначат военную пенсию; он лично присутствовал при подписании Нерландского договора, который положил конец кровопролитной войне.

¹⁵ «...готами либералы называли консерваторов» (Маркес Г. Г. Сто лет одиночества). *Прим. пер.*

¹⁶ Речь о Сьерра-Невада-де-Санта-Марта, обособленном горном массиве на севере Колумбии, выходящем на побережье Прикарибской низменности. *Прим. пер.*

в гору, а мама моталась между Аракатакой и Барранкилей, чтобы навещать своих родителей и видаться с Габито и Марго.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Габриэль Гарсиа Маркес был смуглый, как индеец, но не как чернокожий. Обладал богатейшим воображением. Оно Габито по наследству передалось, этим он отцу своему обязан. Тот был очень интересным человеком. Гораздым на выдумку.

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Его отец – наполовину врач. В нашей семье всегда были не только фармацевты, но и знахари, лечившие травами, да и ведьмы-знахарки встречались. В роду со стороны Патернина был один человек, который, как говорили, изготавливал особенные помады, а потом... «Ах, что за чудодейственная помада, от любого яда помогает», – он размазывал эту свою помаду по руке и давал змее укусить себя. У змеи, само собой, никакого яда не было, но он показывал эту свою пантомиму на площадях при большом скоплении публики. Где-то в окрестностях Синсе он жил. Габито использует этого малого в своих историях¹⁷.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Кстати, его отец, как и я, был консерватором.

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Немногие знают, что его отец фактически и не был настоящим Гарсиа – он, в общем-то, Мартинес. Им следовало именоваться Мартинесами, а не Гарсиа. И он должен бы зваться Габриэль Мартинес Маркес, а не Габриэль Гарсиа Маркес. Вам же известно, как прежде обстояли дела в маленьких городишках – там много детишек рождались вне брака; отец Габо тоже был незаконнорожденным, потому и взял себе имя матери – Гарсиа. Его мать Архемира Гарсиа приходилась дочерью сеньору Гарсиа, прибывшему в Синсе с Лосаной Патернина. А эта Лосана Патернина – сестра моего деда, отца моей матери. Оттуда-то я и знаю Габито. Когда ему присудили Нобелевскую премию, все это выплыло наружу. Но они пресекли сплетни на корню, потому что... Нечего дурака валять, это же величайший писатель! Кто теперь скажет, что он незаконнорожденный отпрыск?

ХАЙМЕ ГАРСИА МАРКЕС. Работа оператором на телеграфе – лишь эпизод в жизни отца, и временами мне даже казалось, что на самом деле ничего такого не было и все это лишь выдумки Габито. Отец был личностью разносторонней, декламировал стихи, умел играть на скрипке.

МАРГАРИТА ДЕ ЛА ВЕГА. Когда я познакомилась с его отцом, тот имел обыкновение сидеть в компании других мужчин – теперь здесь, в Картахене, это уже не принято, знаете, туризм и все такое – на площади Боливара, это та, что снаружи перед Дворцом инквизиции и муниципалитетом. Теперь на ней по полудням устраивают представления – исполняют народные танцы. Местные собирались там и болтали, особенно ближе к вечеру, в сумерках. Мой отец с ними никогда особо не рассиживался, ему было некогда, он вел беседы в другое время – он работал врачом, и его кабинет располагался неподалеку. А вот дядя – вечный бездельник и расточитель, – тот постоянно там околачивался.

На той площади частенько сживал и великий поэт Луис Карлос Лопес¹⁸ – Одноглазый Лопес, как его еще называли, – и рассказывал разные истории. Тогда такое времяпрепровождение считалось богемным – сидеть на площади и, развесив уши, слушать чьи-то байки, потягивая ром. Отец Гарсиа Маркеса тоже обожал рассказывать истории и потому бывал там.

¹⁷ Например, в рассказе «Блакаман добрый, продавец чудес» (1968). *Прим. пер.*

¹⁸ Луис Карлос Лопес (1883–1950) – колумбийский поэт, мастер сатиры. Обличал деспотизм властей, засилье церкви и другие социальные пороки; образными средствами рисовал портреты эксплуататоров, противопоставляя им простых людей. *Прим. пер.*

Он успел пожить во множестве мест и потерпеть много неудач. А сколько профессий он перепробовал! Одно время работал телеграфистом. Иначе говоря, он и есть тот самый герой романа «Любовь во время чумы», который приезжает в город работать на телеграфе и влюбляется в мать Габо, между прочим, дочку самого уважаемого в городе человека. Это мы сейчас уже не о Картахене ведем речь, а об Аракатаке. В его роду – выдающиеся имена. Полковник Маркес. Маркес Игуаран считались семейством с определенными традициями. Игуараны происходят из Гуахиры, а Маркесы – из Санта-Марты и из Фундасьона, к тому же она – самая прелестная девушка во всем городе. Очень хорошенькая, прямо красотка. Познакомившись с ней, я с первого взгляда поняла, несмотря на ее преклонный возраст, насколько хороша она была в молодости. А он – так себе, простоватый. Даже в старости не представлял внешне ничего особенного. Он учился какое-то время на удаленных курсах по фармакологии, работал фармацевтом. А потом стал практикующим гомеопатом.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Он умер в Картахене, когда скупал чеки на чужие жалованья. Учителям никогда не платили. И то, что им были должны за работу – их жалованье, – скупали другие люди по дешевке. С этого и жили.

ХОСЕ АНТОНИО ПАТЕРНОСТРО. Допустим, кому-то полагалось жалованье в сотню, скупщик жалованья подходил к нему и говорил: «Давай я заплачу тебе восемьдесят прямо сейчас? Скажешь в своей компании, чтобы твою сотню выплатила мне. А я заработаю на разнице». Такова была механика сделок. Называлось это скупкой чеков на жалованье. Само жалованье от компании надеялся получить скупщик.

Происходило это в парке или на городской площади. Мужчины вечно нуждались в деньгах, вот и находили какого-нибудь типа, который скажет: «Я тебе отсыплю денег, но давай отойдем вот туда». В Картахене такой торг велся на площади Боливара, с внешней стороны, где Дворец инквизиции и муниципалитет. Эти типы выкупали чьи-нибудь зарплатные чеки, потом шли в контору к кассиру госучреждения и говорили: «Таким-то не платите. Смотрите, они переписали свой чек на жалованье на меня, мне его и выдайте». Причем это было совершенно законное дело. Приведу в пример Марко Фиделя Суареса, он занимал пост президента Колумбии. Марко Фидель Суарес – из бедных слоев, сын прачки; отцом же его, как поговаривают, был генерал Обандо¹⁹. Когда Суарес избрался в президенты, его мать тяжело заболела. Так он два-три месяца не получал свою президентскую зарплату, договорившись с местным ростовщиком, тогда подвизавшимся в Боготе и ссужавшим президента деньгами. Тот ростовщик велел казначею Управления делами президента Республики, чтобы он эти месяцы выплачивал зарплату не президенту, а такому-то и такому-то.

Суареса погнали из президентов – тогдашние политики посчитали, что президенту не пристало продавать свои зарплатные чеки.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. С давних пор это повелось. Так оно и есть, уж поверь, миленькая.

РАМОН ИЛЬЯН БАККА. Осмелюсь заметить, что за этими байками о Брюсселе и Гарсиа Маркесе нет ничего, кроме слухов, потому что они не из тех семейств, чтобы разъезжать по Брюсселям. У него ни денег не было, ни земли. Это в «Сто лет одиночества» один из Буэндиа под конец отправляется в Брюссель, верно? Да, такая мода тогда была – уезжать на учебу

¹⁹ Хосе Мария Рамон Обандо-дель-Кампо (1795–1861) – южноамериканский военный и политический деятель. В его богатой карьере бывало много взлетов и падений, он воевал сначала против Боливара, потом – на его стороне, поднимал восстания, в 1853 году был избран президентом Колумбии и принял весьма прогрессивную по тем временам Конституцию. В 1854 году отстранен от власти, в 1860 году осужден и позже казнен. *Прим. пер.*

в Брюссель. Но он об этом разве что на стороне слышать мог, а никак не в своей семье. Вот мои тетки – да, десять лет в Брюсселе прожили, а до того их посылали в Антверпен.

Транкилина иногда оставалась переночевать в доме у моих теток – здоровенный такой родовой дом, из хлебосольных, где усадят за стол и накормят всякого, кто бы ни зашел. Огромные столы, всегда накрытые, готовые принять кого-то из знакомых; те из Аракатаки или Гуакамайи часто наезжали – кто ферму держал в тех краях, а кто родней управляющему приходился, ну или что-нибудь вроде того. Обычно прибывали утренним поездом, чтобы за день со всеми делами разделаться, а на следующий вернуться поездом домой. До вечера обернуться не получалось, вот и оставались переночевать в Санта-Марте. Потому дом моих тетушек у них в чести был. Когда Гарсиа Маркес напечатал свои «Сто лет одиночества», тетушки так отреагировали: «Кто бы мог подумать, что внук Транкилины вырастет таким башковитым?» Да, так прямо и сказали.

Глава 2. В доме у бабушки с дедушкой

История о первых восьми годах его жизни, проведенных в доме родителей матери, и о том, что с ним случилось, когда умер его дед, полковник

МАРГО ГАРСИА МАРКЕС. В Аракатаке мы жили с моими дедушкой и бабушкой, с Габито и с нашей тетей Мамой; по-настоящему ее звали Франсиска Мехиа, она приходилась нашему дедушке Николасу Рикардо Маркесу Мехиа двоюродной сестрой. Замуж она так и не вышла и была, что называется, женщиной с характером. К примеру, ей доверяли хранить ключи от церкви и от кладбища. Однажды люди пришли к ней и попросили ключи от кладбища, чтобы похоронить покойника. Тетя Мама пошла искать эти ключи, а потом отвлеклась на какие-то другие хлопоты и напрочь забыла о пришедших. Часа через два вспомнила, что за ключами шла. Представляете, тому покойнику пришлось дожидаться, пока она не появится с этими благословенными ключами. И хоть бы кто осмелился ей выговорить. А еще у тети Мамы была обязанность печь гостии для нашей церкви, и она их пекла в доме моего дедушки. Помню, какое это было счастье для нас с Габито – уплетать обрезки от тех гостий.

ЭДУАРДО МАРСЕЛЕС ДАКОНТЕ. Пока ему не исполнилось восемь лет, Гарсиа Маркес жил в Аракатаке. А надобно заметить, эту семью связывают с нашим семейством давние отношения. Его дед был добрым другом моего деда, Антонио Даконте. Полковник часто заходил к нему в лавку, расположенную в самом популярном месте Аракатаки – у так называемых Четырех углов. Они посиживали в боковой комнатухе, которую дед там обустроил. Сам-то он не стоял за прилавком. Николас Маркес и был тем самым полковником, который все ждал да так и не дождался военной пенсии от правительства. Он воевал на Тысячедневной войне, которая произошла в начале века, на ней-то его в полковники и произвели. Частенько он заглядывал к моему деду, они пили черный кофе, беседовали о разных предметах и обсуждали события, которые происходили в мире и у нас в стране. Мой дед такие вечерние посиделки устраивал регулярно. Выставлял три-четыре термоса с черным кофе, чашки, сахар и прочее, и люди приходили и рассаживались по стульям-креслам, которые он специально для этого там держал. Дед Гарсиа Маркеса был завсегдатаем на этих посиделках. А иногда приводил туда и своего внука.

МАРГО ГАРСИА МАРКЕС. О! Дедушка был счастлив от того, что мы у них жили. Говорят, он очень смеялся над одной историей с Габито, которую мне позже рассказали. Когда тот был еще совсем крохой, он часто сидел на пороге нашего дома и глазел на солдат, марширующих мимо по улице на банановые плантации. Однажды он вбежал в дом, весь взбудораженный, и закричал дедушке: «Папа Лело! Папа Лело! Там бадаты прошли» (он хотел сказать «солдаты», но тогда еще не очень хорошо умел говорить). «Славно, мой мальчик, славно, и что же они тебе сказали?» – спросил дедушка. «Привет, славный малыш Габи». Врунишка он был каких поискать, с самых пеленок.

ИМПЕРИА ДАКОНТЕ. Он был очарователен. Маленький, пригоженький. Мы примерно одного возраста с ним. Единственный мальчонка, живший у полковника. При нашем доме имелся очень большой двор. Сам дом был таким огромным, что часть двора доходила до соседней улицы – как раз до внутреннего двора Гарсиа Маркесов. Мы часто бегали к ним за гуайявой. Его дед вырастил огромный фруктовый сад. И бабушка его, старая Транкилина, бывало, щедро нам отсыпала фруктов – гуайявы и всяких прочих.

МАРГО ГАРСИА МАРКЕС. До рождения Габито дедушку Николаса считали человеком серьезным, суровым и сдержанным, и потому моя мама всегда держалась с ним очень почтительно и даже на некотором расстоянии. А как родился внук, дедушка растаял, будто его подменили. Вся его суровость улетучилась к чертям. Он стал любящим, нежным, играл с нами, на колени к себе сажал, а бывало, опускался на четвереньки, чтобы мы верхом на нем катались, словно на ослике. Его друзья даже выговаривали ему: «Как можно, Николас Маркес! Ты что же это выделяешь! Посмотри, в кого ты превратился!» Дедушка так обожал Габито, что решил каждый месяц справлять его день рождения. Каждый месяц – праздник в его честь. Он приглашал своих друзей, и они поднимали бокалы за «месяц рождения» Габито. А в подарок мы получали разную живность: у нас были попугаи, например ара, трупиялы и даже ленивец, живший во дворе, усаженном фруктовыми деревьями. Ленивец все время висел на хлебном дереве; оно было высокое, как пальма, и этот зверь забирался на самую верхушку и сбрасывал оттуда плоды, похожие на кремовые яблоки²⁰. Бабушка слегка их отваривала, и все сбегались есть. Вкусом они напоминали картошку.

ЭДУАРДО МАРСЕЛЕС ДАКОНТЕ. Да, и не забывайте: у его родителей было двенадцать детей.

МАРГО ГАРСИА МАРКЕС. Каждый божий день дедушка водил нас навещать маму. Происходило это так: в полдень тетя Мама переодевала нас в чистую одежду и обувь, причёсывала и прихорашивала. Помню, бабушка говорила: «Вот теперь, Николасито, веди их, чтобы их мать могла с ними повидаться». Дедушка брал нас с Габито за руки, и мы шли делать кружок (так он называл нашу прогулку); у маминого дома он ненадолго останавливался, чтобы приласкать Луиса Энрике и Аиду, поддержать на руках Лихию и Густаво (семья-то все время росла), поболтать о том о сем с папой, а затем мы продолжали путь.

Мы с Габито всегда являлись перед родителями чистенькими, принаряженными и причесанными (обязательно в башмаках и чулочках, потому что бабушка с дедом никогда не позволяли нам бегать босоногими, а то чего доброго червячки заползут, животные покусают или гадость какая пристанет) и всякий раз убеждались, что наши полоумные братики и сестрички – совершенно необузданные, хулиганистые и отчаянные сорванцы, особенно Луис Энрике с Аидой, целыми днями без призора носившиеся по улице.

ИМПЕРИА ДАКОНТЕ. Каждый вечер полковник приходил навестить моего отца. А поскольку отец держал лавку, в нашем доме всегда кипела жизнь. На поднос выставлялись маленькие чашечки с черным кофе. И ближе к вечеру отцовы друзья сходились туда попить кофе и поболтать. Уж не знаю, о чем они говорили, я была слишком мала. Гарсиа Маркес тоже бывал у нас, совсем еще маленький тогда, как и мы.

ЭДУАРДО МАРСЕЛЕС ДАКОНТЕ. Мой дед Антонио Даконте, надо полагать, был очень привлекательный в те времена, когда приехал в Аракатаку из Италии. Имел пятерых жен, вы только вообразите, и даже на сестрах был женат. Ну, то есть не на всех сразу, а по очереди – сначала разводился с одной и потом женился на другой. Я затем вам все эти подробности объясняю, чтобы вы понимали, откуда что пошло, даже если что-то из этих вещей Габо позабыл, потому что вам, думаю, любопытно об этом узнать. Дед мой как приехал, так женился сначала на Марии Калье, и у них родились пятеро сыновей. Потом он развелся с Марией Калье

²⁰ У хлебного дерева, как и у кремowego яблока (дерева семейства анноновых, имеющего плоды сердцевидной формы, из-за которых эти фрукты также называют бычьим сердцем), мякоть имеет кремовой цвет и сладковатый вкус. *Прим. пер.*

и женился на Мануэле – это бабушка моя, она из двух сестер младшая. После сёстры больше никогда не разговаривали друг с другом. Завидит одна другую на улице и сразу же на противоположную сторону переходит. До самой смерти они ни словечком не перемолвились, вот как... С Марией у него было пятеро сыновей: Галилео, Амадео, Антонио, Педро, Рафаэль. А с моей бабушкой Мануэлой они родили пятерых дочек.

Дочерей звали Элена, Йоланда, Мария, Империа. Империа – это моя мама... А Элена – это Нена Даконте, героиня его рассказа «Следы твоей крови на снегу». Она сестра моей матери. Ей нравилось, что он использовал в рассказе ее имя, хотя большого события из этого не делала.

МАРГО ГАРСИА МАРКЕС. Ах да, я не дорассказала о наших маленьких прогулках. От маминого дома мы спускались к Углу турков – месту, где собирались мужчины для того, чтобы поговорить на политические темы, и дедушка задерживался в их компании, о политике рассуждал. Габито ни на шаг от деда не отходил, ушки на макушке – и слушает, слушает, о чем они там толкуют; а я тем временем разглядывала витрины турецких съестных лавочек и магазинчиков. Там было четыре угла, и я переходила по порядку от одного к другому и рассматривала через стекла, что внутри делается. С тех пор у меня привычка такая – на магазинные витрины глазеть. Даже сейчас я могу, как зачарованная, гулять по улицам, не сводя с них взгляда.

ЭДУАРДО МАРСЕЛЕС ДАКОНТЕ. Как я уже говорил, в те времена у моего деда был очень большой и красивый дом; он находился на углу и стал для жителей Аракатаки местом сборищ, чем-то вроде соборной площади. Среди прочего мой дед импортировал принадлежности для бильярда и пула (американского бильярда) – его также называют *buchácará*. Наш деревянный дом в Аракатаке все еще стоит. Надеюсь, у них там хватит ума не сносить его. Во внутреннем дворе крутили кино, а сейчас устраивают костюмированные вечеринки, приглашают оркестр, сдают площадь в аренду под карнавальные танцю. Габо одну из своих колонок, которые писал для газеты «Эль Эспектадор», посвятил моему деду. Он там рассказывает, как ходил в гости к моему деду, и его всегда тянуло к огромному кувшину, он старался заглянуть внутрь и черпал оттуда воду в надежде, что вместе с ней зачерпнутся эльфы. Глиняный кувшин – в таких держали воду, чтобы она оставалась прохладной, а поверх было нечто наподобие фильтра. Кувшины с водой расставляли по всему дому, а при них всегда имелись стаканчики и черпак; ставили их обычно на деревянные поддоны. Подставки то есть. Да. Воду в дом приносили и по кувшинам разливали. Водопровода-то в Аракатаке в те времена, насколько я помню, не имелось, и по домам ходили продавцы воды. Они возили ее на ослах, а брали из канала, куда она попадала прямо из реки (тогда загрязнения еще не было). Никакой опасности здоровью та вода не несла. Это потом уже акведук появился, но я помню, мы долгое время покупали воду бидонами – по два, например, или три. «Мне, пожалуйста, четыре бидона воды». Бидонами служили здоровенные жестянки из-под жира, поверх к ним гвоздями прибивали деревянную перекладину наподобие ручки. А история, значит, такая: когда Габо был еще маленький, ему рассказывали, что в кувшинах с водой на дне обитают крошечные человечки, эльфы. И он, как немного подрос, все пытался их отыскать. Бывало, окунет стакан поглубже в кувшин, вытащит и рассматривает, нет ли там эльфов. Он очень здорово написал об этом в своей колонке – жаль, название из головы сейчас выскочило. А в доме у моего деда кувшин этот, как сейчас помню, огромный был, и все мои двоюродные братья-сестры бегали к нему за водой. Вода вкуснейшая, прохладная. Вкус у нее был особенный – не знаю, с чем сравнить, но такой бесподобной воды нигде и никогда мне больше не попадалось. Такая как бы мшистая, мхом припахивала, свежестью сырой земли. А сейчас в воде чувствуется какой-то металлический привкус...

МАРГО ГАРСИА МАРКЕС. Маленькая прогулка заканчивалась к тому моменту, когда приходило время спать. Бабушка, которая целыми днями хлопотала по дому, укладывала меня

в постель, учила произносить молитвы и рассказывала всякие истории до тех пор, пока я не засыпала.

ЭДУАРДО МАРСЕЛЕС ДАКОНТЕ. Электричество в Аракатаку долго не проводили. Еще в моем раннем детстве пользовались свечками и керосиновыми лампами – знаете, с такой пимпочкой на верхушке. Красивые. Эти лампы были тогда в ходу. Помню, иду я по улице, а в руке лампа. В темноте люди собирались, чтобы поболтать, – телевидение-то тоже еще не появилось. И всегда кто-нибудь нам, маленьким, рассказывал таинственные и страшные истории. Вспоминаю, какой ужас пробирал меня потом, когда наступало время идти в постель, после всех этих жутких рассказов, услышанных от дяди, отца, мамы или кого-то из двоюродных-троюродных братьев постарше. А бывало, мы ходили на фермы, и там у каждого управляющего всегда наготове куча разных зловещих историй, и он нам их рассказывал. Почему я и говорю, что память Габо огромную роль играет, он очень многое запомнил из тех баек. Другие-то давным-давно позабывали. А Габо – нет, память у него крепкая, прямо как у слона.

ИМПЕРИА ДАКОНТЕ. Его определили в школу Монтессори, где директорствовала Фергюссон, они там рядом жили²¹.

ЭДУАРДО МАРСЕЛЕС ДАКОНТЕ. Прекрасная у него учительница была, просто потрясающая. Потом уже туда, в город, кто только не ездил, чтобы интервью у нее взять, ведь Габо всегда говорил, что многому у нее научился. И еще я знаю, что благодаря моему деду Габо увидел первый в своей жизни фильм. Дед единственный в городе держал нечто вроде кинотеатра. У него был собственный электрический генератор, допотопный, он стоял на задворках, чтобы его тарактенье не мешало смотреть кино. Это уже позже нормальный генератор приехали, который весь город снабжал.

ИМПЕРИА ДАКОНТЕ. Полковник был крестным отцом моей сестры Марии. Мария, бывало, говорила нашему папе: «Знаешь, папочка, дом моего крестного стоит такой печальный с тех пор, как его не стало». На что отец всегда отвечал: «Так оно теперь всегда будет». Когда он умер, я была еще очень маленькой. Полковник ушел раньше своей жены. А она осталась жить, потому что семья у нее большая, кому ж, как не ей, о них заботиться.

ЭДУАРДО МАРСЕЛЕС ДАКОНТЕ. Габито прожил в Аракатаке до восьми лет. Когда умер его дед, он уехал в Сукре, так как туда перевели его отца.

МАРГО ГАРСИА МАРКЕС. Я очень хорошо запомнила похороны, потому что весь тот проклятый день плакала и никак не могла успокоиться. А Габито на похоронах не было, папа взял их с Луисом Энрике с собой в Синсе, где у него намечалась новая авантюра, одна из многих. Габито вернулся в Аракатаку через несколько месяцев после того, как умер наш папа Лело, оттого-то, видимо, я и не помню, как он воспринял смерть бабушки; наверняка глубоко переживал, ведь они с дедом обожали друг друга, были неразлучны. Мы с ним еще какое-то время продолжали жить с бабушкой, тетей Мамой и тетей Па – вообще-то ее звали Эльвира Каррильо, она была внебрачной дочерью бабушки Николаса и, следовательно, наполовину сестрой моей мамы. Тетя Па – очень хорошая, добрая душа, она преданно ухаживала за бабушкой, всю себя ей отдавала, до самой бабушкиной смерти, словно родная дочь.

²¹ Об этой школе Габриэль Гарсиа Маркес впоследствии рассказывал в своих мемуарах: «...открылась школа Монтессори, где учителя старались активизировать пять чувств у своих учеников практическими упражнениями и учили петь. Благодаря таланту и красоте директрисы Росы Элены Фергюссон учиться было так чудесно...» (Цит. по: Маркес Г. Г. Жить, чтобы рассказывать о жизни. М.: АСТ, 2014.) *Прим. пер.*

В общем, мы жили у бабушки, пока ее накопления не подошли к концу, и дальше ей пришлось перебиваться тем, что присылал ей дядя Хуанито. Тогда было решено нас с Габито отправить в дом отца, в Сукре, куда переехала наша семья.

МАРГАРИТА ДЕ ЛА ВЕГА. Он впервые поселился под одной крышей со своими родителями, чьи денежные дела к тому времени немного поправились. Тогда уже родилась та из его сестер, которая позже пострижется в монахини.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Сукре был довольно крупным городом, но в 1940-х годах там повсюду похозяйничали наводнения, причинив много разрушений. Население составляло тысяч семь-восемь жителей. Чтобы попасть в Сукре, следовало сначала добраться до Маганге. В Маганге брали лодку с подвесным мотором и на ней уже плыли до Сукре. Время пути зависело от лодки: если она с двумя моторами по сто – сто пятьдесят лошадиных сил каждый, то минут в сорок пять можно было уложиться.

Габито жил в Сукре, пока не отправился в Барранкилью. Да, он учился в Барранкилье, в школе Сан-Хосе, с иезуитами. Я познакомился с ним в Сукре году в 1940-м (нам обоим тогда было по тринадцать лет), дом его отца, доктора Гарсиа, находился через улицу от нашего.

ХУАНЧО ХИНЕТЕ. Мальчиком он учился здесь, в Барранкилье, в Колехио Сан-Хосе.

МАРГО ГАРСИА МАРКЕС. Когда родители послали Габито учиться в Барранкилью, в Сан-Хосе, чтобы получить аттестат, я почувствовала себя покинутой. Мы всегда были очень близки с ним, словно близняшки, он так тепло относился ко мне. Начальную школу он окончил в Сукре, а когда ему исполнилось одиннадцать или двенадцать лет (еще и трех месяцев не прошло с тех пор, как мы к родителям переехали), его отослали на учебу в эту Барранкилью, и мне так одиноко стало, не передать. С трудом я выдержала этот удар. Сразу исчезли спокойствие и порядок, к которым я привыкла, а больше всего я тосковала по тем нежным отношениям, какие были у меня с бабушкой и дедушкой; с мамой сблизиться не получалось – при ее вечной занятости по дому, она вон сколько детей воспитывала, ну а с папой – и подавно. Мне он всегда казался далеким, я робела при нем, и, хотя остальные мои братья и сестры обращались к нему на «ты», я говорила ему только «вы».

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Он всегда чувствовал призвание к писательству и, еще учась в Колехио Сан-Хосе в Барранкилье, начал издавать маленькую газету. То есть он по самой сути своей с рождения был писателем и журналистом. О романах тогда еще не задумывался. Это позже пришло.

МАРГО ГАРСИА МАРКЕС. Учился он блестяще, получал призы, медали за отличие в учебе – да он был лучшим во всей этой школе. В те времена выдающимся ученикам в качестве награды дарили книжки о Мессе – школа-то была иезуитская; а Габито эту книжку, которой его премировали, послал мне и дарственную надпись для меня сделал; еще он отправлял мне открытки с картинками, свои медали, четки; буквально все, чем его там награждали, он пересылал мне. Я тоже писала ему в Барранкилью, на адрес дяди Эльесера Гарсиа, брата нашей бабушки Архемиры (матери моего папы), – он у них жил. Ох и счастливой я бывала, когда Габито приезжал домой на каникулы! Мы снова становились с ним неразлучны, и я старалась добыть для него все самое лакомое, жарила плантаны²², нарезанные тоненькими ломтиками, – он очень их любил.

²² Плантаны – крупные овощные бананы с крахмалистой, жесткой, несладкой мякотью; употребляются в пищу после тер-

КИКЕ СКОПЕЛЬ. Я познакомился с ним, когда мы с моим двоюродным братом Рикардо Гонсалесом Риполлом поехали отсюда на учебу в Сипакиру. На пароходе мы поднимались по реке Магдалена – в те давние времена в Боготе только по воде и можно было добраться, так-то.

В общем, мы втроем плыли на пароходе. Надо сказать, я в Боготе учиться начал, но, как на грех, влюбился без памяти, и любовь пересилила во мне тягу к учебе; так и живу с тех пор горьким пьяницей – я тогда пристрастился к рому. И потом в виде наказания меня отправили учиться в Соединенные Штаты.

ФЕРНАНДО РЕСТРЕПО. Как говорит Габо, это в Национальном лицее Сипакиры он открыл в себе любовь к книгам и к художественной литературе, чему во многом способствовал его учитель, пристрастивший его к чтению. Я спросил его однажды: «Скажи, как тебя вообще угораздило попасть в Сипакиру?» А он рассказал, что ему выделили государственную стипендию на учебу в лицее в Боготе, но там не оказалось мест, и в конце концов для него отыскалось место в лицее Сипакиры, куда он и подался. Я об этой школе вообще ничего не знаю; только раз, когда он приезжал на выходные к нам в поместье, мы проходили мимо школьного здания, и он показал мне, где располагались окна его дортуара. Это казенное учебное заведение, и учащимся там предоставляется полный пансион.

Лицей чисто мужской. Не сказать чтобы заведение из видных. За пределами тех мест о нем никто и не слышал.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. В Сипакиру он поехал, чтобы окончить бакалавриат, а потом пошел учиться в школу права.

МАРГАРИТА ДЕ ЛА ВЕГА. Когда ему присудили Нобелевку, его отец дал интервью газете «Диарио де ла Коста» (Diario de la Costa) и упомянул все города, где им случилось жить, приговаривая, что Габо ничего не выдумал. Он рассказал, что за историей Ремедиос, разумеется, стоит сеньора такая-то, чья дочь или внучка сбежала с каким-то типом... Та, правда, уверяла, что эту ее дочь или внучку действительно унесло на простынях, когда она развешивала на веревках белье и одежду, – мол, таким-то образом она и исчезла. Божественным. Я долго потом то интервью хранила. Если помните, тогда это было принято – вырезать из газет что-нибудь интересное и собирать вырезки. Многие это делали. В том интервью он еще поведал, что святые отцы из Сан-Хосе сказали ему, будто Габо шизофреник, и он сам вылечил его своими гомеопатическими снадобьями. Мне кажется, Габо наделен совершенно необычайным воображением, да и повзрослел он очень быстро, потому что рос в окружении старых людей. Такое случается, когда дети растут без сверстников, а только со стариками или пожилыми людьми. Вот и он был таким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.